

Сауле
Беккулова

кандидат искусствоведения

ГИМН ЖИЗНИ

Год нынешний – год 2017-й – год необычайный. И разными людьми по-разному воспринимается, но отдельные даты особо трогают наши души. Речь – о 30-летию со дня ухода из этого мира большого Художника. Трудно говорить о человеке, составляющем для тебя не просто отдельное имя. Который, по твоему глубокому убеждению, является Личностью.

Мы знаем слово «artist», слово, которое воплощает в себе идеал и поэта, и музыканта, и художника... Все эти качества я вижу в личности Евгения Матвеевича Сидоркина (1930–1982). Так сложилось, что работы его всё больше молодеют, и то, что они в себе несут, дает силу жить последующим поколениям, углубляет собой понимание того, что мы представляем собой как народ, как нация. Казахский народ, каким его знает каждый из нас и каким его видел Сидоркин, – это нечто многообразное, многоликое и вместе с тем – цельное.

Многие люди, вспоминая, говорят о фактах из его биографии, о том, что он родился в селе Лебяжьем Кировской губернии, что он был очень жизнелюбив и весел, и в то же время вся судьба его была пронизана трагическими вехами. Это все правильно, наверное. Но для меня Сидоркин – это начало меня самой как человека. И говорить это немножко страшно. Потому что одну из моих первых публикаций о художнике, – а мне все время виделись его жесткие и требовательные глаза, когда дело касалось профессиональных моментов, – я все-таки представила, страшно волнуясь, на его суд.

В детстве, благодаря родителям, я познакомилась с удивительными книгами. «Казахский народный эпос», сказки, в которых картины жили своей жизнью, и это, оказалось, рисунки Сидоркина. Кто бы знал, что через годы судьба столкнет, и не просто столкнет... Случилось так, что в трагический 1975 год, когда Евгений Матвеевич серьезно болел, я решилась заговорить с ним о том, что хочу о нем писать. Это было, наверно, очень самоуверенно, но надо отдать должное душевной чуткости и простоте художника, он любезно согласился, более того, представил свои материалы и много со мною разговаривал. Очень много минут, которые он мне уделил, были откровением, и добро, которое источали его глаза, подчас давало удивительные всходы и осталось жить в моей душе.

Когда случилась та самая первая публикация (журнал «Простор», 1981), то услышала от Сидоркина короткое: «Молоток, вырастешь – кувалдой будешь!» Это сначала шокировало, а в итоге вызвало такую бурную радость, что я поспешила покинуть его мастерскую.

Еще он, наверное, как никто, умел читать стихи. Я только единожды оказалась с ним в кругу наших друзей, мы по очереди читали разное. Прочитав строки Верлена, поразила реакция Сидоркина: «А почему об этом я не знал раньше, ты меня не ценишь...»

Позже, в мастерской, он однажды стал читать сам. Не сказал название, не подготавливал «как аудиторию». Тем удивительнее было то, что я услышала: это был Окуджава. Стихи назывались «Прощание с осенью». Тихо, печально с чувством, словно говоря о себе, Сидоркин произносил слова-признания. А я судорожно вспоминала: откуда я их знаю. Разъяснение пришло потом. Оказалось, в Питере, в доме друзей-художников слышала впервые. Это – из области тогда запрещенной цензурой литературы.

Осенний холодок, пирог с грибами,
Калитки шорох и простывший чай.
И снова неподвижными губами
Короткое, как вздох: «Прощай, прощай».
«Прощай, прощай...»
Но я и так прощаю, все,
что простить возможно...
Обещаю простить и то,
чего нельзя простить...
Великодушным я обязан быть.
Прощаю всех, что не были убиты
Тогда, перед лицом грехов своих...
«Прощай, прощай».
Прощаю все обиды,
Обиды и обидчиков моих...

Долго мы после этого молчали, а дальше он мне дал книжечку Брюсова. Придя домой, увидела посвящение, написанное чьим-то размашистым почерком: «Не обманула вас молва. По-прежнему живу я вами. И на меня свои права вы не утратили с годами...»

Как-то он мне показал портрет, написанный темперой. И, остро посмотрев, спросил: «Кто это?» Портрет – высоко на стене, недалеко. А я, волнуясь и по близорукости не сразу разглядев, ответила: Булгаков. В ответ – улыбка. Это было еще в 1975 году. И где мне было знать, что Евгений Матвеевич, носивший всегда в себе массу литературных образов, которого я знала прежде всего как мастера казахского национального образа, он-то уже обратился к колоссальной серии, посвященной Салтыкову-Щедрину. Увидев только первые листы, воскликнула, что это мне напоминает «Каприччос» Гойи. Помню его лицо – бледное, холодное. А потом тихое, как выдох: «Господи, как будто бальзам на душу».

Значит, даром после открытия выставки в Государственном музее искусств Казахстана один из художников сказал, что «слишком велика была фигура, чтобы его могли не просто замечать, но и не травить. Наверное, это было закономерно...»

Может быть, это слишком, но то, что Сидоркина преследовали при жизни и ему было очень трудно, так сказать, прямо пропорционально его безмерному таланту, – это правда. И он, как никто, умел противостоять им. Тепло его глаз, тепло его души будут передаваться и дальше, больше – многим людям.

которые соприкоснутся с его творчеством, через книги ли, через полотна или монументальные работы.

Одна из встреч той поры – в Музее искусств им. А. Кастеева, где я работала и куда пригласила Евгения Матвеевича посмотреть и послушать мой материал «Музыка, литература, изобразительное искусство Запада XVI–XX веков». Весь этот часовой сеанс – не могу обозначить жанром, так как лекцией назвать нельзя, звучит музыка, живая речь, и синхронно показываются слайды произведений художников от Джотто до Пикассо. Все это – в жестком ритме, порядка 150 слайдов, на проекционном аппарате – я сама. Волнение, ответственность и... удовольствие.

Зал молчал, когда завершилось все действие портретом и словами Пабло Пикассо: «Каждый хочет понимать искусство. Но почему мы, любя природу, птиц и все вокруг нас, не пытаемся понять это? Каждый, кто берется объяснять искусство, обычно попадает пальцем в небо». И это под звуки песни Луи Армстронга. Меж тем, когда показывались картины Рембрандта, на последних автопортретах звучали строфы Пушкина:

Мой путь уныл.
Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.
Но не хочу, о други, умирать.
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать.
И ведаю, мне будут наслажденья
Средь радостей, забот и треволненья.
И может быть, на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.

Сидоркин ушел после лекции-сеанса, любезно раскланявшись, молча. А потом, наедине, вдруг спросил: «А почему нет строфы:

Порой опять гармонией упьюсь,
Над рифмою слезою обольюсь?»

Смешавшись, ответила: «Из-за музыки. Не хватило паузы». И была великодушно прощена. А многие, почти все, вообще не заметили ничего.

Для этого следовало знать наизусть и Пушкина, и множество других поэтов и музыкантов, что прозвучали в этом материале. А для меня урок был ценным и бесконечно добрым. Значит, ничто – не зря, всё – в пользу и в радость.

Мастер оценил и похвалил. Великодушие? О да, и не только оно одно. Здесь – профессиональная пристрастность и сопереживание. Что может быть дороже?

Как лучились глаза и вздрагивал голос Евгения Монины, москвича-коллеги, когда он заговорил о Сидоркине. И не сразу, стесняясь, подарил стихи, написанные после очередной совместной работы в Сенеже, творческой даче под Москвой, где в очередной раз они вместе – в дружбе и соперничестве – провели два месяца. Известный художник детской книги в масштабах всесоюзных, он с мальчишеской озорной улыбкой рассказывал о той встрече. А стихи? Они, конечно, самодельные и ни в коем случае ни на какие публикации не рассчитанные. Но атмосфера, что царила в доме творчества, так живописна именно в этих строчках! Друг другу давались клички, прозвища, можно было не щадить самолюбия – жанр позволял! И вот они, эти стихи:

Из-за леса, из-за горки
Вышел к озеру Сидоркин.
Смотрит – лодки напрокат.
Сел он в лодку наугад,
Затем пальцы сунул в рот
Стал свистать на борт народ.

Видит: слева, за холмом
Ирод едет большаком
(Ира Большакова).
Рядом с ней, вполне доволен,
Примостился Благоволин.
Их Евгений привечает,
Благоволину вручает весла:
«Ты уж, друг, греби,
Мне маленько подсоби!»

А тем временем народ
На ту лодку так и прет.
Вот из Минска без запаски
Георг Георгиевич Поплавский,
В кругах интимных просто Жорж,
На суше Лев, на море Морж,
В «фиате» он, что фон Барон,
Как решето его талон.

Вдруг осветив всех красотой
Своею царственной ногой
На утлый челн в начале мая
Ирэн Макарова ступает,
За нею мамсика ведет
И всем вокруг понять дает,
Чтоб мы себя в руках держали
(А не ее),
А если что, чтобы не пеняли.

В клубах пара, из Тифлиса,
Черной магией Мемфиса,
Древних фибл назад зовущий
Саржмелидзе всемогущий.
Он может всё. На расстоянии
Заставить женщину страдать,
Мужчину – жаждать покаянья
И голову до боли сжать.

Звения «динь-динь», гремя «бом-бом»
Средневековым серебром,

Как она, поди, сумей-ка,
Черной лебедью Зулейка
Проплывает на ковчег.
Время, ты умерь свой бег!
Дай насладиться красотой.

Но я не первый, не второй.
Кто молит Время,
Но оно идет вперед неумолимо.
И проплывает лебедь мимо,

И только свет в душе больной.
Распустив свой караван,
Прекрасный юноша Курбан
Сюда полгода шел пешком
С одним мешком и гребешком.
Сюда ж поручик Иманасов
БрETER, рубака, кстати, часом,
Большой-большой любитель женщин,
Одной из них ему обещан
Маршальский жезл и рука,
Но всё ж поручик он пока.

Я вижу среди новых лиц
Лицо, давно мне дорогое,
Иван, откажемся с тобою,
от диетических яиц!
И выпьем нынче за погоду,
За нашу дружбу без изводу.

Лексей Лексеевич Попов
С черноморских берегов
Со своей женою Людой
Побывать успел повсюду.
И видал он белый свет,
Но сказал он: «В мире нет
Лучше этого народу».

Ставлю, братцы, бочку меду.
Дождались-таки момента.
Все любители абсента,
Словно с цепи сорвались,
Стали женщин бросать ввысь...

Худо-бедно, всех поймали.
Не поймали только Валю
(Бахчеван, Молдова).

Помнишь, Нина, как Евгений
(сам!)
В час душевных потрясений
Воскликнул:
«Нина, я рожден
С душою пламенной, как лава!»
А в ростовском перстеньке
У него отравы.
Нина-Нина, я – другой,
Но тоже с пламенной душой.
Но отвлекся что-то рано,
Вернусь опять к своим баранам.

Мачты нет, пойдем на вёслах,
Наторели мы в ремеслах,
Знаем, как себя вести,
Как отчалить, как грести.

Крикнул Женья: «Молодцы!
Слышь меня – отдать концы!»
Тут нам всем явилось чудо,
И неведомо откуда
Набежавшая волна
Запенилась, ожила.
Пена разрешилась пенкой,
Ну а пенка – Назаренкой.
Так привиделся нам спяну
Час рождения Татьяны.

Кончил я. Прошу прощенья
У тех, кого в стихотворении
Я помянул, не помянул,
Да ведь и так я затянул.
С плеч долой докучный груз.
Друзья, прекрасен наш союз!

В мае 2017 года отмечают:

50-летие

Жади ШАКЕНУЛЫ, прозаик
Гульзат ШОЙБЕКОВА, прозаик

70-летие

Амантай АХЕТОВ, поэт, прозаик
Жанат ЕЛЬШИБЕКОВ, прозаик
Ховозмат КОШКАРОВ, поэт
Сансызбай КУТТЫБАЕВ, поэт
Князь МИРЗОЕВ, критик, литературовед
Жаркын ШАКЕРИМ, прозаик

80-летие

Айдархан БИБАСАРУЛЫ, прозаик
Адырбек СОПЫБЕКОВ, поэт
Асанали АШИМОВ, актер, прозаик

Редакция журнала «Простор» сердечно поздравляет юбиляров!

